

Павел Бажов

На том же месте

Когда случается бывать в давно известных местах, неизбежно у каждого встают в памяти образы людей, с которыми здесь встречался, говорил, работал и жил годами. И странным кажется порядок этого архива памяти.

ККЗ(3) + Cu(2)S= БА(1) (Аналог химической формулы. Цифры в скобках - нижний регистр.

Текстовый формат не передает. - прим.ск.)

Такая формула оказалась на полях старой записной книжки-календаря.

Где писано, по какому поводу - забылось основательно.

В обычных условиях и то трудно вспомнить условную пометку через десять - пятнадцать лет. А тут где же!

В годы войны и революции у каждого отложилось в памяти столько яркого, что прежнее, дореволюционное, совсем потускнело и порой безнадежно стерлось.

Формула все-таки кажется занятой. Усиливаюсь разобраться в ней, но ничего не выходит.

Только пуск Гумешевского завода открыл ящичек памяти, где хранилась эта крупинка прошлого.

Вспомнилось отчетливо, до мелочей. Перед революцией этот рудник давно уже был безлюдным, заброшенным полем. Вблизи его чадил маленький серно-кислотный завод Злоказова.

Отработанная вода, без всяких отстойников, спускалась через речку Железенку в Северский пруд.

Северчанам после длительной, и дорого стоившей тяжбы удалось добиться официального запрещения Злоказову спускать воду без ее очистки или обезвреживания.

И вот с той поры на старом руднике появился человек, которого вскоре прозвали "безвредный старичок".

Работа у него была столько же простая, сколько бессмысленная. Он должен был время от времени бросать в отработанную воду кислотного завода лопатку извести. О мере лопатки ему было сказано:

- Какую сделаешь.

А число определено с приближением:

- Штук десять - пятнадцать в час.

Старик был точным исполнителем. Чтобы без часов не ошибиться в счете, он придумал свой прием. При каждом отбивании часов на конторской каланче нагребал из большого закрытого ларя в маленький ящик пятнадцать лопаток извести, постепенно сбрасывал ее, а при следующем отбивании часов встряхивал остатки и нагребал ящик вновь.

Толку от этого было немного. Рыба дохла попрежнему, но жаловаться уже было нельзя: меры принимались. Старик, разумеется, не хуже других понимал никчемность своей работы, знал, что никто за ним и не думает следить, но все-таки выполнял ее с редкой аккуратностью. Когда над его работой смеялись, он говорил:

- Наше дело какое? Так ведено.

Площадка старого Гумешевского рудника, даже в годы ее полного безлюдья, мне кажется живой.

Стоит увидеть или только вспомнить о ней, как память немедленно выведет толпу теней из семейных преданий, из рассказов и личных наблюдений. Тут выплывает много образов-враждебных и дружественных, печальных и забавных, жутких, отвратительных. И все-таки на первый план все отчетливее выступает безыменная фигура "безвредного старичка".

Так и видишь - сидит он, сухощавый, с серебряной бородкой и выцветшими глазами, среди унылого рудничного поля, вблизи старой обрушившейся шахты и без улыбки методически сбрасывает деревянной лопаткой известь в речку Железенку.

- Наше дело какое? Так велено.

В один из моих приездов на Гумешку мы с товарищем ребячьих лет расположились как-то

неподалеку от "безвредного старичка".

Не видались давно. Оба изменились, стали взрослыми. Я уже не первый год учительствую. Он - рабочий кислотного завода, давно харкает кровью.

Сладковато-тошнотворный, дым кислотного смешивается с удушливо-вонючими клубами, которые, не переставая, густо лезут из высокой трубы ватер-жакета. Медленно ползет этот тяжелый дым в сторону леса, который уже заметно покраснел и чахнет.

- Вишь, сволочи, что делают! - кивает мой приятель на ватер-жакет. - Ведь газ-от этот для нашего дела самый дорогой, а они им воду травят да лес портят. А почему, думаешь?

И, не дожидаясь моего ответа, объясняет:

- Хозяева разные. Сговориться не могут.

Потом задумчиво прибавляет:

- Может, тут и химия есть, только особенная. Сразу ее не разберешь...

- Какая это?

Мой приятель оживился и, понизивши голос, стал быстро гнать слова: :

- Вот видел наше дело? Сыплют сверху молотый колчедан. Он тебе горит сам, без дров. Дым в камеру идет. Известно - горит сера и дым серный, а в камере так устроено, что брызги воды есть.

Мелкие, размелкие. Вот из газу и этих брызгов кислота и выходит. Ну, крепкой водки сверху пуцают маленько. Митраты называется. Чтобы, значит, скорее вода с газом соединялась. Это, брат, понять хоть кому... Очень даже просто. А ты мне вот какую химию разьясни... Слышал про каслинских Злоказовых?

- Ну как же. Известные кабатчики. Три брата. Сперва башкир обставили, землю у них за гроши купили, потом винокуреньем занялись. Главный завод в Черкасиуле, в Воздвиженке стекольный. У Петра еще суконная фабрика в Арамили, у Федора большой пивной завод.

- Вот, вот, эти самые! Теперь Федор-от, наш здешний хозяин, баронетом Англии каким-то сделан. Чин, сказывают, очень большой, выше генеральского. А с чего это? Не за пиво, поди? А? Все кабатчиком был, а как занялся колчеданом - сейчас же баронет. Тут вот химия и есть! Каки-таки митраты подпущены, чтобы из Каслинского кабатчика английского баронета сделать? Разберись-ка вот...

И верно. Казалось непонятным, почему один из Злоказовых получил звание, которое ему как будто ни с какой стороны не подходило.

На полях записной книжки тогда и появилось кабалистическое сокращение беседы ККЗ(3) + Cu(2)S= БА(1). Читал его тогда так: Каслинских кабатчиков Злоказовых трое с прибавлением сернистой меди равняются одному баронету Англии.

Справлялся потом о статуте звания баронета.

В наших словарях значилось, что звание баронета дано в 1611 году. Давалось тому, "кто снаряжал за свой счет не менее 30 колонистов для заселения Ирландии, особенно провинции Ульстер (Ольстер. -пр.ск.), или жертвовал на те же цели 1000 фунтов стерлингов. Сначала число баронетов было ограничено двумястами, но теперь это ограничение, а также посвящение в звание баронета за деньги более не существуют".

Выходило, что Злоказов... снаряжал колонистов в Ирландию.

Только это было мало похоже на правду.

Федор Ликсеич, сколь помнится, человек был сырой, достаточно красноносый и совсем малограмотный. Едва ли даже знал про Ирландию, а уже о провинции Ульстер наверняка не слыхивал.

Крестьяне Каслинского района и башкиры ближайших к бывшим злоказовским владениям волостей тоже не помнят, чтобы кто-нибудь из них отправлялся в Ирландию.

Да и поздновато было в двадцатом веке заниматься там колонизацией.

Разве вот такая Ирландия ближе была. Вместо Ульстера всего-то англичанам, может быть, надо было снарядить разведку на речку Зюзельку и на Дегтярский рудник, и потом от своего имени начать разработку. Тогда дело другое.

Именитое купечество всегда любило отечество... продавать хоть оптом, хоть в розницу. И уж Злоказова этому учить не приходилось. За хорошую цену что угодно мог продать, а уж сернистую медь Сысертской дачи тем более.

И все шито-крыто. Завод злоказовский, рабочие местные полевские и северские, административный и технический персонал тоже свой - уральский. Со всех печеней старается, развивает "отечественное производство", а распоряжается всем английский капитал и совсем безответственно.

Вот тут по-иному увидишь и "безвредного старичка", что на речке Железянке, знай, свое твердил:
- Наше дело какое? Так велено.

Только в старое время и другие люди были на Гумешках. Иначе никакой перемены жизни не вышло бы.

Летом нынешнего года мне пришлось побывать на Гумешевском руднике. Унылое безлюдье отсюда ушло. На каждом шагу видишь группы людей. Чаще всего это пока геолого-разведчики и строителя, реже - шахтеры. Преобладают молодые лица, но немало и стариков.

Работа ведется в разных местах обширной рудничной площади. Сначала пошли с председателем РИКа (Революционный исполнительный комитет - местный выборный орган самоуправления в первые годы советской власти. - пр.ск.) взглянуть на строительство нового копра над самой старой шахтой. Дорогой, как это часто бывает, в таких случаях председателя остановили вопросами и утянули в другую сторону. У старой шахты оказалось тоже пусто. Строители ушли на приемку материалов, и около копра стоял сухощавый старик с серебряной бородкой и уже - выцветшими глазами. Внешнее сходство с образом из воспоминаний было поразительное. На том же месте стоял такой же старик и смотрел на копер.

Но стоило с ним заговорить, как впечатление сразу изменилось.

На вопрос: "Сторожем здесь?" - старик ответил:

- Нет, любопытствую, как строят. - И сейчас же ответил на свой вопрос: - Ничего будто, а только ошибочка есть. Есть ошибочка! Скоба жидковата. Надо настоять, чтобы покрепче.

Дальше разговаривать не пришлось. Старик поспешно стал спускаться по кривой извилистой тропинке к грудам железной руды, которая с давних лет лежит в самом низком месте рудника. Там какой-то приземистый широкоплечий человек выворачивал кайлом старые деревянные брусья. Начала разговора не было слышно, но скоро он перешел в крик, и слова старика доносились отчетливо.

- Начальство не видит, так и тащить? Ты в печке истопишь, а людям, может, это знак!

- Кто меня поставил? А тот и поставил, кто сказал: береги народное добро!

Когда приземистый человек заковылял в сторону криолитового завода, старик еще крикнул:

- Ты у меня эту дурость забудь! На руднике дрова добывать! Народное! Не тронь!

Когда я уходил с рудника, то еще раз слышал издали этого старика. Он горячо спорил со строителями копра над старой шахтой. Доносились обрывки фраз.

- Так велено? А если ты ошибку видишь? Тогда как?

- Главный инженер? Ну что ж, и главному инженеру сказать можно!

- Единоначалие. Не спорю. А тебе разве дела нет?

На вопрос, что это за старик, председатель РИКа, шагавший на этот раз рядом, ответил, как о самом обычном:

- Пенсионер один... Советский старик...